Виктория Кольцевая. "Сага для Сони"

Автор: Оргкомитет
11.04.2015 16:19

Живет в Ровно (Украина).

САГА ДЛЯ СОНИ

* * *

Не успела вода просочиться меж комьев и плит,
как надежда взошла из случайных семян, из половы.
На такую приманку и сонный жучок прилетит,

и зверек поплетется, нечесаный, большеголовый.
Вот и пара лелек, игнорируя трезвый расчет,
заприметила столб и лелеет идею отцовства.
Обнимись со столбом и уверуешь: свет не уйдет
из полесских дворов и зашторенных старомосковских.

Видишь, лампы не жгут, и забыли разрезанный том,
и молчат, а молчанье -- плохая затея под вечер…
Ничего,
это легкому слогу препятствует Томь
или Припять томится в низинном своем староречье.
Это сотня причин, возведенная в степень родства
и сиротства,
и осточертевшего бега по кругу.
Не спеши, осознаешь:
коснувшись друг друга едва
не рукой, а словами,
уже не утратить друг друга.

* * *

Это старый пасьянс, это звезды,
а мы ни при чем,
созвучание жилок под пальцами, только затронешь.
Не родившись цыганом, легко не прослыть скрипачом,
но поди утаи, что невольно прочлось на ладони,
что само проступило, живьем,
из забытых химер,
контрапунктами чьих-то желаний и собственной воли.
Голова не способна отсчитывать рваный размер,
даже сердце не сможет, покуда стучит, а не колет.

Вот и землю качнуло, широты легли невпопад,
белый свет непременно сойдется на ком-нибудь клином,
carpe diem…
Теперь пробежишь через Лагерный сад
и в пригоршню захватишь и жимолость, и журавлину.
Или лыжные палки очертят в морозной слюде
хрупкий след улетающих за полночь женских сандалий,
или вдруг жеребец захрипит на чужой борозде
от фантомного грома каленой эрц-герцогской стали.

Значит, мир…
если росс не бледнеет при звуке Тильзит,
безучастно сырея над вечно пылающим газом,
перерос, стало быть.

Темнота поглощает гранит,
зажигалку, и дым, и шаги, и случайную фразу.
Расскажи, что в иных переулках таит темнота,
как дела у поэтов, любовников, христопродавцев?
Только слух не щади,
ахиллесова эта пята
искушенней невинных копытцев козленка и агнца.

* * *

Ничего не щади -- ни покоя, ни веры, ни сна,
ни любимого облика в тонко сработанной раме.
Ты настолько же плач, сколько я пред тобою -- стена:
ни сломать, ни объять, но заделать пустоты
словами.
А когда оборвется сухая песочная нить,
по стеклянному горлу вползет, облекая периметр,
бессловесность.
Похоже, она и сумеет явить Третий храм,
да и первые два, да и небо над ними.

Что нам делать потом среди этих священных камней,
обделенным пьянящим наитием в теплой постели.
До утра продержись, по строке приближаясь ко мне,
чтобы, если прервут, облегченно подумать: успели.
Так растет невесомость, и грунт не берется в расчет,
отдаляются кровли, окно наливается млеком.
Вон и птаха впервые, страшась, расправляет плечо
и чумацкое небо кусает татарским läk- läk'ом.

Страница автора в сети